

Глава 12. Перемена

Солнце закатилось за горизонт, и сумерки густым пологом накрыли землю. На иссиня-черном небосклоне проклюнулись редкие, знобкие звезды.

На столе, дожидаясь хозяев, сиротливо стояли миски. Простой ужин из трех блюд и супа уже не пылал жаром, но всё еще источал аппетитный аромат.

Старая госпожа Сюй с силой стукнула клюкой об пол.

— Скверный мальчишка, ну что за несносный ребенок! — в сердцах бросила она. — Весь день где-то рыщет, даже к ужину не явился. А-Сюэ, садись за стол, не будем его ждать. Вот вернется — я ему устрою! Голодным спать пойдет, помяните мое слово!

Маленький Симэнь Чуйсюэ, вглядываясь в густеющую тьму за окном, едва заметно нахмурился.

— Давайте подождем еще немного, — тихо предложил он. — Вдруг он вот-вот появится?

Симэнь Чуйсюэ знал: при всей своей полноте Баоэр едва ли вынесет пропущенный ужин. Маленький мечник часто задира товарища, но именно он всегда становился его самым верным защитником.

Старуха Сюй лишь тяжело вздохнула. В доме воцарилась гнетущая тишина.

Бам! Бам!

Оглушительный стук в ворота разорвал безмолвие двора. Старуха Сюй вскинулась, привычно заворчав:

— Ублюдок мелкий! И ведь хватает же наглости так ломиться!

Несмотря на ворчание, она ни на мгновение не замедлила шаг и, нащупывая дорогу клюкой, поспешила к выходу.

— Бабушка, вы ешьте, я открою, — бросил Симэнь Чуйсюэ.

Он проскользнул мимо нее и вихрем вылетел во двор. В такой темноте старуха не видела и на шаг, полагаясь лишь на слух. Скрипнула деревянная калитка, и следом раздался зычный, уверенный голос:

— Старуха Сюй!

В удивлении пожилой женщины промелькнула тень разочарования. Опершись на клюку, она замерла у порога. Ее спина казалась еще более сгорбленной, чем обычно.

— Староста Цяо? Что привело вас в такой час?

Послышалась череда быстрых шагов, среди которых выделялся пронзительный женский вскрик:

— Старуха Сюй! Твой Баоэр вернулся?

Сердце старухи сжалось.

— Нет его... — выдохнула она. — Уж не знаю, куда этот паршивец запропастился, до сих пор дома нет.

— Что же делать, как же теперь быть... — запричитала женщина, и в ее голосе отчетливо слышались слезы.

Старуха Сюй занервничала еще сильнее. Она беспомощно потянулась вперед сухой, узловатой рукой, безуспешно пытаясь разглядеть гостей.

— Тётушка Чжан, что стряслось? Мой сорванец опять напроказил? Староста?

В ответ Тётушка Чжан лишь громко разрыдалась.

— Пропали! — выдавила она сквозь всхлипы. — И твой Баоэр, и моя Наньнань! С обеда и след простыл, весь городок обыскали — как сквозь землю провалились! Ох, горе-то какое...

Мир перед глазами старухи Сюй качнулся, и она начала оседать на землю. Маленький Симэнь успел подскочить и подхватить её, но детских сил не хватило — они оба повалились бы, если бы не вовремя подоспевший староста Цяо.

Он помог женщине сесть на скамью и попытался утешить:

— Погоди, не убивайся ты так. Может, дети просто заигрались где-то и забыли про время? Или сбились с пути в потемках. Не обязательно ведь случилось самое страшное. Побереги себя.

Старуха Сюй лишь беззвучно шевелила губами. Жгучие слезы катились из ее незрячих глаз, оставляя дорожки на щеках.

Тётушка Чжан, хлопая себя по бедрам, заголосила на весь дом:

— Наньнань хоть и маленькая, но в Городке Пингань выросла! Каждую щелку, каждый проулок с закрытыми глазами знает, как она могла заблудиться?! Весь город вверх дном перевернули, ни души! Нет, не к добру это, беда случилась!

— Хватит! — рывкнул староста. — Замолчи! И так тошно, не нагнетай!

— Да как же вы такое говорите! — не унималась женщина. — Доченька у меня одна-единственная, если с ней что... я и дня не проживу!

Чжан Эр, до этого хранивший угрюмое молчание, обнял рыдающую жену и тяжело вздохнул:

— Староста, не сердчайте. Она от страха не в себе. У нас ведь кроме дочки никого нет, пылинки с нее сдували... А теперь...

Голос крепкого мужчины дрогнул, глаза налились кровью. Староста Цяо погладил бороду, собираясь что-то ответить, но его прервал звонкий, не по-детски серьезный голос:

— Что именно произошло? Как вы поняли, что они исчезли? Расскажите всё по порядку.

Цяо с удивлением посмотрел на Симэня Чуйсюэ. Видно было, что мальчик — истинный ученик господина Лина: мал годами, но выдержка необычайная.

Лицо старухи Сюй превратилось в застывшую маску скорби, и староста, подавив вздох, обратился к отцу пропавшей девочки:

— Чжан Второй, рассказывай ты.

Мужчина с силой провел ладонью по лицу.

— Наньнань еще в полдень убежала играть с ребятами. К ужину не пришла. Мать всполошилась, пошла искать по соседям — никого. Стали спрашивать других детей, и те сказали, что давно вернулись. Только один, мальчишка из семьи Фэн, вспомнил: Наньнань с кем-то повздорила и сгоряча убежала к роще. А когда вечером все собрались уходить, Баоэр забеспокоился и пошел ее искать. Все думали, что они вдвоем уже дома... а их нет.

— Я собрал людей, мы прочесали рощу вдоль и поперек — пусто, — добавил староста Цяо, тяжело вздохнув. — Пришли к вам в надежде, что Баоэр вернулся один, но, видать, зря.

— Как же так... как же так... — простонала старуха. — Внук мой... он же жизнь моя...

Глаза ее закатились, и она лишилась чувств.

Вспыхнула суматоха. Старушку бережно перенесли в постель. К счастью, это был лишь обморок от избытка чувств. Староста Цяо в сердцах хлопнул по столу:

— Не верю, что они сквозь землю провалились! Это же дети, а не птицы. Тётушка Чжан, утри слезы. Сейчас же соберу всех мужчин в Городке Пинъань. Если надо — весь городок по кирпичику разберем, но найдем их!

Ночь для Городка Пинъань выдалась долгой. Все способные держать факел мужчины вышли на поиски. Огни мерцали в лесу и на окраинах до самого рассвета, но ни клочка одежды, ни следа найти не удалось.

Когда небо начало светлеть, изможденные люди возвращались в город. Тётушка Чжан охрипла от крика и едва держалась на ногах, опираясь на мужа. Каждый шаг отзывался свинцовой тяжестью — все понимали, что затянувшиеся поиски не сулят ничего хорошего.

Староста Цяо, чье лицо за одну ночь постарело на десять лет, не пошел домой. Он направился к дому Сюй. В отсутствие господина Лина десятилетний ребенок и убитая горем старуха не могли оставаться без присмотра. Он попросил нескольких женщин присмотреть за ними.

Старуха Сюй уже пришла в себя, но подняться не могла. Она лежала, парализованная горем, беззвучно проливая слезы. Казалось, сама жизнь покинула ее иссохшее тело.

Рядом с ней, не выпуская её руки, стоял Симэнь Чуйсюэ. Его лицо было холодным, а в обсидиановых глазах застыла глубина, совершенно не свойственная ребенку.

— Не отчаивайся, — мягко произнес староста Цяо. — То, что мы их не нашли, может быть и добрым знаком. По крайней мере, они точно живы.

— Старейшина, неужто совсем никаких вестей? — с надеждой спросила одна из женщин.

— Мы обыскали каждую мышиную нору. Будь они мертвы — мы бы нашли тела. Раз их нет в Городке Пинъань, значит, их унесли далеко отсюда.

— Неужели работорговцы?

Староста нахмурился:

— Не только они. Не забывайте про разбойников с Горы Баосянь. На них падает самое большое подозрение.

Присутствующие охнули. Для жителей Городка Пинъань бандиты Баосяня были воплощением ночного кошмара — рана семилетней давности, когда погибли родители Баозра, всё еще кровоточила в памяти городка.

— Но... они ведь грабят только караваны? Зачем им дети?

— Эти звери семь лет назад не побоялись пролить кровь в открытую, — процедил Цяо, и глаза его сверкнули гневом. — Разве есть что-то, на что они не способны?

Услышав про бандитов, старуха Сюй вздрогнула.

— Разбойники... с Горы Баосянь... — прошелестела она.

Староста наклонился к ней:

— Послушай меня. Я уже отправил людей. Как только совсем рассветет, они поедут в уездный город к властям. В этот раз, сколько бы серебра ни потребовалось, мы добьемся своего — логово этих тварей будет разорено. Твой сын и невестка будут отомщены!

Старая госпожа Сюй вцепилась в его руку:

— Не надо... не надо мести... Внука... верните мне внука...

Глаза старосты увлажнились. Он легонько похлопал её по руке:

— Обязательно. Я клянусь, мы найдем его и вернем в целости. Только живи, береги себя.

В главной спальне, где обычно отдыхали Лин Сяо и Симэнь Чуйсюэ, не осталось и следа Лин Сяо. Всё здесь было устроено исключительно под нужды мальчика.

При тусклом свете свечи кисть, смоченная в туши, вывела последний иероглиф на белоснежной бумаге. Симэнь Чуйсюэ отложил кисть, осторожно подул на листок и, сложив его, убрал в конверт.

Он накинул на плечи небольшой дорожный узел, закрепил на поясе Драгоценный меч из белой яшмы и коротким выдохом погасил свечу.

На улице уже вовсю разгорался рассвет. Золотисто-алое марево разливалось по горизонту, возвещая о начале нового дня.

Белоснежный волк, почуяв хозяина, бесшумно метнулся навстречу. Гордый хищник склонил голову, ластясь к ребенку, пахнущему сладостью и чистотой.

Симэнь Чуйсюэ погладил волка по густой шерсти, подошел к комнате старухи Сюй и просунул письмо в щель под дверью.

Его маленькая фигурка, замершая на мгновение, была прямой и острой, как клинок, уже начавший обретать свою истинную закалку. На ледяном лице не отразилось ни единой эмоции — лишь та отрешенная гордость, которую невозможно постичь.

Он в последний раз бросил взгляд на закрытые двери дома и, не оборачиваясь, ушел прочь. Волк безмолвной тенью следовал за ним.

<http://bllate.org/book/17402/1657608>